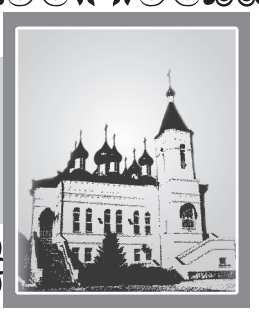
Сженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь № 11 (404) 18 марта 2017 г.

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК



Слово пастыря

В разговорах о духовной жизни легче всего (но и бесплоднее всего) съезжать на тему любви. Мол, вы нам о каких-то непонятных догматах, терпении, воздержании… а ведь надо всего-то любить. Это крайне грубое, даже пошлое упрощение повсеместно принимается за истину.

В современное понимание слова «любовь» закачан избыток чувственности и сентиментальности, словно ботокс в очередные губы привядшей красавицы. Понятие непозволительно распухло! Попросите случайного собеседника нарисовать словесную картинку любви. Вам скорее всего выдадут «его» и «ее» на скамейке под луной; каких-то удачно сфотографированных котов; сердечки и проч. Короче, мелкое пиршество той самой чувственности и сентиментальности. Бесплодной чувственности и бесполезной сентиментальности!

А вот хирург, стоящий над разъятым телом, с руками по локоть в крови, коротко и жестко дающий указания операционным сестрам, он чем занимается? Простите, любовью. Лучше всего об этом знают ошалевшие от страха родственники, которые ждут конца операции. Доктор сию минуту спасает любимого ими человека! Доктору среди этих кровавых трудов и матюгнуться не грех. И хоть это на любовь не похоже, он именно ее и совершает.

Когда пожарный в огонь лезет, он деньги зарабатывает? Да, но разве только это? Вы лично за деньги в огонь полезете? Нужно что-то другое, большее. Ему – пожарному – надобно любить и людей в огне, и свою работу. Храбрым быть и совесть иметь. Этого не купишь! А иначе как? Но никто из нас, буквально никто, не ассоциирует пожарного или хирурга с «любовью». Одни коты, сердечки и «она» у «него» на плече под луной. Отсюда, кстати, и разводы, когда «сю-сю» закончилось, а быт начался. И тысячи санкционированных чувственностью грехов – тот же блуд вездесущий…

Недавно в очередной раз встретил на просторах сети карикатуру. В церковной лавке – суровая продавщица. За ней полки с книгами: «Как перетерпеть боль жизни», «Как приготовиться к смерти», «О страхе Божием», «О глубоком смирении» и т.д. И запуганная покупательница спрашивает: «А про любовь что-то есть?»

Метко. Хлёстко. Так кажется с первого взгляда. Но, стоит чуть поразмыслить, вовсе не так уж и антагонистичны любовь с одной стороны, и страх Божий, терпение, верность, смирение с другой. Скажите: любовь и боль нигде не пересекаются? Как по мне, так любовь с болью под ручку ходят, и только у того душа не болит, кто никого не любит. Точно так же у любви и страха, у любви и смерти особые и тесные отношения. Любовь ко всему прикасается и всё в себя вбирает. Говорить о ней, не говоря попутно обо всем кошмаре человеческой жизни, невозможно. А если возможно, то это нечестно. Именно против этой тотальной и сладкой нечестности мне хочется кричать, шептать и молиться.

Сентиментальность мы не изгоняем вон, но лишь указываем ей свойственный маленький шесток. Когда зимой прорвет трубу отопления, мужики, которые на морозе отремонтируют ее окоченевшими руками, будут именно теми, кто совершил дело любви. Вам тепло опять придет! Сентиментальность же в эти моменты будет только раздражать. Так раздражает жену лезущий с ласками ленивый муж, когда голодный ребенок плачет. Кстати, если отремонтировавшие теплотрассу мужики после работы маленько выпьют, в грех им это не зачтется. И если посреди работы скажут пару горячих слов – ерунда. Любовь покрывает множество грехов, лишь бы в домах у людей тепло было. Так же точно любит людей пилот, совершающий экстренную и умелую посадку воздушного судна. Спрячьте свои фейсбучные страницы со слащавыми фотографиями котов куда подальше, если самолет в воздухе трясет! Потому что любовь в это время – не сопли в сахаре, а умелые действия квалифицированного летчика. И таких примеров – тысячи. На них, а не на чем-нибудь другом мир стоит. Так давайте же не болтать (хотя бы мы, христиане!) о любви попусту.

Любовь – не фундамент дома, а крыша. Кто же дом с крыши начинает? Фундамент – вера. Без нее Богу угодить невозможно! Потом уж добродетели, как кирпичики. Перемазывать их надо смирением, как раствором. Без смирения всё рассыпается! И только когда на твердом основании веры подняты стены добродетелей, можно крышу крыть. Только тогда уместно говорить о любви. Иначе всякий такой разговор преждевременный. Он даже просто превращается в грех. Над какой бы добродетелью ты ни трудился, движешься к любви. Но гадок тот, кто ничего доброго не делает в принципе, а всегда говорит о любви. И не потому говорит, что саму любовь любит, а потому что разговорами этими утверждает вседозволенность и успокаивает свою нераскаянную совесть.

Не говорите много о любви. Любите делом и истиной, а не словом и языком. Словами о любви не пытайтесь прикрыть свою неотмытую грязь. Пусть этим занимается кто-то другой, для кого Христос не Господь. Мы – люди из холодной страны, но с теплым сердцем. Так Суворов итальянцам о русских говорил. Так же холодны будем в словах и горячи в конкретных поступках.

Протоиерей Андрей Ткачев

Вопросы священнику

Как вы относитесь к расширяющейся традиции воздвижения скульптур святым (прп. Сергию Радонежскому, прп. Серафиму Саровскому)? Разве скульптура может передать образ Божий, особенно если учитывать отсутствие у нее глаз?

Я отношусь отрицательно к скульптурным изображениям святых и считаю такие изображения одной из форм секуляризации православного сознания.

Можно ли признать венчание несостоявшимся, если муж уже с первой брачной ночи оказался неспособным к брачной жизни, а жена, соответственно осталась девственницей?

Неспособность мужчины к брачной жизни является достаточной причиной для развода, как по гражданским законам, так и по церковным канонам. Поэтому вам необходимо обратиться к местному архиерею, чтобы он аннулировал венчание.

Мой муж неверующий, он никогда не держал пост, любит выпить, погулять и меня тоже пытается перевоспитать по-своему, например, спать с ним во время поста, и ругает священнослужителей, считает, что они меня совсем с ума свели. На этой почве у нас часто споры, я чувствую, что больше не потерплю, выхожу из себя. Как мне побороть себя и заставить его повернуться к истине?

Каждый человек настолько индивидуален, что недостаточно общих правил, а надо постараться найти ключ к человеческому сердцу. Здесь надо проявить любовь и принципиальность: идти навстречу в тех случаях, когда это не противоречит христианской совести. Хорошо иметь духовника и каждую проблему обсуждать с ним. Советую вам взять определенное молитвенное правило для обращения супруга, например, читать акафист святителю Николаю по четвергам, или акафист Архангелу Михаилу по понедельникам.

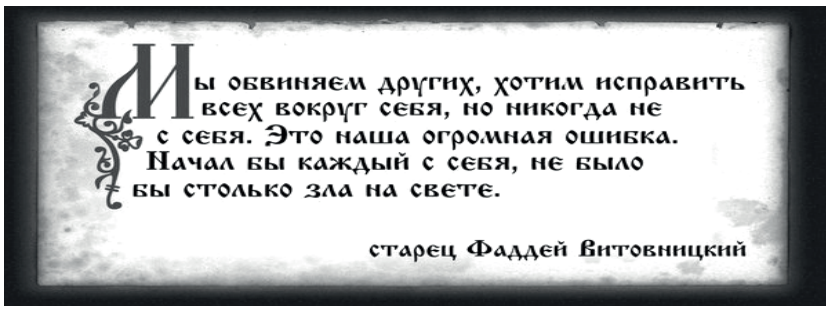
Что такое богобоязнь? Страх перед Богом или боязнь впадения в грех? И еще, покаяние должно идти сразу после совершения греха или же лучше, когда придет некое равновесие эмоций? Например в случае драки, вообще любого греховного поступка.

Страх перед Богом имеет несколько духовных ступеней: низшая – боязнь наказания за грехи; затем – страх потери благодати и награды за добрые дела; а третья – страх огорчить Бога и потерять Его любовь. Святые отцы говорят, что после совершения греха нужно постараться немедленно принести покаяние: чем раньше лечить рану, тем скорее она заживает.

Скажите, отчего это Вы в своих книгах часто употребляете местоимение «мы» и от чьего имени Вы в таких случаях говорите или на кого ссылаетесь?

Ваш вопрос относится к области теории литературы. Ответ, почему вместо местоимения «я» в некоторых случаях допускается употребление местоимения «мы», вы можете узнать по учебному пособию «Введение в литературоведение», раздел «Метонимия и ее виды», подраздел «Количественная метонимия или синекдоха». Я думаю, что это будет для вас интересно, и вы не пожалеете о потерянном времени. Должен сказать, что местоимение «вы», обращенное к собеседнику, является также синекдохой. Точные грамматические правила требуют здесь местоимения «ты», но я все-таки решился в обращении к вам отступить от грамматики в сторону этики.

Архимандрит Рафаил (Карелин)



Неделя 3-я поста Крестопоклонная

В воскресенье третьей недели Великого Поста на всенощном бдении в центр храма выносится Животворящий Крест, которому всю неделю поклоняются верующие.

Как путник, уставший от долгой дороги, отдыхает под раскидистым деревом, так и православные христиане, совершая духовное путешествие в Небесный Иерусалим – к Пасхе Господней, находят в середине пути «Древо крестное», чтобы под его сенью набраться сил для дальнейшего пути. Или как перед приходом царя, возвращающегося с победой, вначале шествуют его знамена и скипетры, так и Крест Господень предваряет Христову победу над смертью – Светлое Воскресение.

При сем поклонении поется песнь:

Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим.

Церковь выставляет в середине Четыредесятницы верующим Крест для того, чтобы напоминанием о страданиях и смерти Господней воодушевить и укрепить постящихся к продолжению подвига поста. Поклонение Кресту продолжается и на четвертой неделе поста – до пятницы, и потому вся четвертая неделя называется крестопоклонною.

«Крест – хранитель всей вселенной, крест – красота Церкви, крест – царей держава, крест – укрепление верующих, крест – ангелов слава и демонов язва». Так объясняет одно из церковных песнопений значение креста для всего мира. «Тростию креста, обмакнув ее в красные чернила Твоей крови, Ты, Господи, по-царски подписал нам прощение грехов», – говорится в одной из стихир праздника.

А вот как учит о Кресте преподобный Иоанн Дамаскин: «Крест дан нам в качестве знамения на челе, как Израилю – обрезание. Ибо через него мы, верные, различаемся от неверных и узнаемся. Он – щит и оружие, и памятник победы над диаволом. Он – печать, для того, чтобы не коснулся нас Истребляющий, как говорит Писание (Исх. 12, 12, 29). Он – лежащих восстание, стоящих опора, немощных посох, пасомых жезл, возвращающихся руководство, преуспевающих путь к совершенству, души и тела спасение, отклонение от всяких зол, всяких благ виновник, греха истребление, росток воскресения, древо Жизни Вечной.

Итак, самому древу, драгоценному по истине и досточтимому, на котором Христос принес Самого Себя в жертву за нас, как освященному прикосновением и Святого Тела, и Святой Крови, естественно должно покланяться; подобным образом – и гвоздям, копью, одеждам и святым Его жилищам – яслям, вертепу, Голгофе, спасительному животворящему гробу, Сиону – главе Церквей, и подобному, как говорит Богоотец Давид: «Пойдем к жилищу Его, поклонимся подножию ног Его». А что он разумеет Крест, показывает то, что сказано: «Стань, Господи, на место покоя Твоего» (Пс. 131, 7-8). Ибо за Крестом следует Воскресение. Ибо если вожделенны дом и ложе, и одежда тех, которых мы любим, то насколько более – то, что принадлежит Богу и Спасителю, через посредство чего мы и спасены!

Мы поклоняемся также и изображению честного и животворящего креста, из какого бы вещества оно ни было сделано, почитая не вещество (да не будет так!), а изображение, как символ Христа. Ибо Он, делая завещание Своим ученикам, сказал: «Тогда явится знамение Сына человеческого на небеси» (Мф. 24, 30), разумея крест» («Точное изложение православной веры», кн. 4).

НОВОСТИ

14.03.2017. **Европейский суд признал законным запрет хиджабов на работе.** В Европе работодатели теперь имеют право запрещать сотрудницам носить мусульманские головные уборы во время работы. Такое решение принял Европейский суд в Люксембурге. В частности, это первое решение о демонстрации религиозных символов на рабочем месте. Решение высшей судебной инстанции Евросоюза обжалованию не подлежит.

15.03.2017. **В дацанах Бурятии будут отбывать наказание приговоренные к обязательным работам.** В Селенгинском районе Бурятии осужденных к обязательным работам трудоустроят в дацанах, сообщили в пресс-службе УФСИН России по Республике Бурятия. (*Дацан – буддийский монастырь-университет у российских бурят. В тибетской традиции дацанами называют отдельные «факультеты» буддийских монастырей.*) Как уточнили в ведомстве, выполняя работу в дацанах по благоустройству храмов, осужденные будут совершать благие деяния «буян». Как говорят буддийские священнослужители, во время благих деяний нельзя совершать греховных проступков и необходимо подавлять негативные мысли. «Кроме того, с данной категорией осужденных ламы будут проводить беседы профилактического характера, о нравственности, мудрости, вероучении», – отметили в пресс-службе.

16.03.2017. **Премьер-министр Украины Владимир Гройсман посетил Константинопольскую Патриархию.** В рамках своего официального визита в Турцию украинский премьер-министр Владимир Гройсман посетил Константинопольскую Патриархию в Стамбуле, сообщил официальный сайт Константинопольской Православной Церкви. О содержании беседы, состоявшейся между Патриархом Константинопольским и главой правительства Украины, пока не сообщалось.

«Ведро незабудок»
и другие рассказы
Александра Богатырева

Продолжение. Начало в № 7 (400)

– А все ж блуд, – вздохнула Антонина.

– Блуд-то, он разный, – оправдывалась Степановна. – Сошлась с хорошим человеком. Он вдовец. Я вдова. С ним жила честно. Я, по правде, и не знаю, как тут каяться. Свадьбу что ль надо было с гармошкой аль под венец! Нам же уж по шестьдесят было. Я долго отказывалась. Перед внуками срам. А он: одиноко мне, хоть в петлю лезь. Так что тут как поглядеть. Один скажет: душу погубила в грехе, другой: человека от петли спасла.

– Ну, уж от петли.

– Форменно от петли. Тоскливо жил. Хотел удавиться. Так что не знаю, какое покаяние мне батюшке принести. Рассказать все – так он сам говорит: мне не истории нужны, а сердца ваши. А сердце мое теперь по двум моим мужикам тоскует. И молюсь я за них. А что не венчано прожила, так то Господь разберет. А и где венчаться-то было? В клубе, что ль? Может, соберусь да слезно и покаюсь. Рюмочку для слезы и для храбрости пропущу – и на исповедь.

С минуту помолчали. Отец Олег хотел выйти, но тут Валентина сердито набросилась на Антонину:

– А что ты вообще понимаешь?! Каяться. Тебе хорошо. У тебя ни кожи, ни рожи. И смолоду страшная была. А меня парни чуть не с пеленок зазывали. На тебя бы столько внимания, так еще бы поглядели, какая ты святоша. Мужики к тебе не лезли – на тебе и греха нет. А ко мне лезли. Думаешь, легко по молодости удержаться? Так я и слова такого не знала – «грех». Жила, как все жили. А кто у нас себя грешницами считал? Кто? Хоть одну бабу назови.

– Моя мать, – тихо вздохнула Антонина.

– Она-то что? Она и не у нас в селе жила. Мы о ней ничего не знаем.

– Она, покойница. Царство ей Небесное... До самой смерти чемодан с кирпичами носила.

– Какой еще чемодан?

Антонина всхлипнула, утерла нос передником.

– За грех убийства. Братик у меня был Яшенька. Кроткий, славный. Божие дите. А мальчишки все дразнили и колотили его за то, что он в их проказах не участвовал. Трусом обзывали. Они, как яблоки поспевать начнут, чисто грачи на деревьях сидят.

– Понятное дело. Я и сама по чужим садам лазала, – перебила ее Валентина.

– И стекла в школе били, и сарай подожгли вредной Акулине, и белье могли с веревок сорвать да в грязь. Корову у Коркина хвостом к хвосту лошади привязали. Да чего там...проказа на проказе. Хулиганье сплошное. А Яшенька все с мамкой сидел. Вот они его однажды поймали и говорят: «Иди у Кисляковой огурцы сорви». Мешок дали. «А не нарвешь – мы тебе уши оборвем да накостыляем. Иди, не трусь». Яшенька и пополз по огороду, чтобы не быть трусом. А Петровна-то Кислякова у окна сидит. Видит Яшеньку-то. Он только огурец сорвал, а она уже бежит с кочергой. Ну, он деру. А она орет на всю деревню: «Ворюга проклятый!» А он-то, бедный... Ему и огурцы-то даром не нужны. Своих полно. Он-то битья мальчишек испугался. Во двор забег, а мамка-то наша выскочила из избы. Что за гром с соседского огорода? А Петровна ей и орет: «Тихоня-то твой вор поносный. Огурцы мои скрал». А маменька-то, Царство ей Небесное, схватила лучину от дранки. Изба-то дранкой крыта. Шиферов-то не было. Да этой лучиной и шлепнула его по голове. А в лучине-то гвоздь ржавый. Да как раз в ямочку, что в голове. В темечко. Яшенька упал, ножками задрыгал и затих.

– И что, убила?

Антонина опять всхлипнула и кивнула.

– Насмерть убила?

– Убила мать сыночка. Братика моего кроткого... За огурец. Свою надежу. Нас-то девок пятеро и один брат. Что там было... И суд был. Говорят, вот времена суровые были. Суровые. И жили впроголодь. Никаких «дошираков» в лавках не продавали, чтоб за три минуты суп был. Жидким щам рады были до смерти. Траву для коровушки по канавам серпом резали. Я режу, а Валюшка четырех годов на страже стоит. Чтоб никто не увидел. А поймают – отберут. И позор. И посадят. А все равно резали. Куда денешься. Корова – не наш брат, чтоб уговорить не есть вовсе... Да вы помните.

– Чего не помнить. У меня самой мать на три года посадили за траву – колхозное добро, – поддакнула Валентина. – Ну, дальше-то что? Не тяни.

– Так вот, со всем своим суровством, судья мать-то отпустил, да еще и тайно ей потом денег сунул на похороны. А мальчишек-то, что подбили Яшеньку, наказал. Самых заводил главных в колонию для малолеток. А маменька... Суд человеческий одно. А она сама себя крепко осудила. Ела потом по куску хлеба в день да водицы кружечку. И так целый год. В чем только душа держалась. Работы-то с пятерыми! Мы, конечно, помогали. А все одно – только поворачивайся. И в колхозе, и дома. А потом свалилась она. Язва пошла – чуть не померла. Истощение – довела себя. Определили ей инвалидность. Так вот тогда она и придумала себе чемодан. Нагрузила камнями и повсюду с ним. Это с язвой-то. А еще придумала себе тайные подвиги: по ночам общественные работы делала. Мост у нас провалился. Так она и починила. Откуда силы! Да как она бревна-то достала. Явно из леса. Ведь и посадить могли. Это потом мы узнали: ей Сашка-дурачок помогал. У него силища была аховая. Когда электричество тянули, мужики столбы носили. Один столб вшестером. А Сашка взваливал на плечо столб да версту без передыху один нес. Он и помогал. Она и вдовам втайне помочь творила. Иной раз по неделе дома не было – все чего-то людям делала. Еще спала в поле. Прямо на земле. А дома – не знаю, спала ли. Всю ночь лампада горела да головой об пол бухалась. Да плач слышен: «Господи, прости окаянную!» Так она по Яшеньке убивалась. А потом успокоилась маленько. Мы уже подросли, по дому все сами делали, а Людмила – старшая – уже и работать пошла. Задумала маменька до Киева дойти. Ногами своими. Попрощалась с нами...

– Это с кирпичами?

– Нет, чемодан на сей раз оставила. Попрощалась с нами, благословила и ушла. Целый год мы ее не видели. Вернулась. Говорит, видела Яшеньку в светлых одеждах. Сидит у ног Матери Божией и веночек из цветов плетет. А цветы эти красоты – не рассказать. А простил ли меня Господь, не знаю. А Яшеньку принял в Свои светлые обители. Это ей киевские угодники показали. Там в пещерах у нее видение было. Месяц за бродяжничество в тюрьме отсидела. Били несколько раз крепко... Может, и простил ее Господь. Про свое богомолье нам не сказывала. Да мы бы и не поняли. Мы-то, дурехи, думали, что маменька наша с горя-то с ума сошла. И народ-то ей хоть и сочувствовал, но все чокнутой прозывали. Мы чемодан ейный в печке сожгли. А кирпичи на дворе горкой сложили. Так она другой себе из фанерок сотворила. Наложила кирпичей и снова с ним заходила. Так с ним в руках и рухнула. Язва открылась. До больницы двадцать верст. Пока довезли, она и померла. Царство ей Небесное!

Все перекрестились и затихли. Долго стояла тишина. Потом староста Агриппина Степановна подошла и поцеловала Антонину в щеку. Прижала к себе и всплакнула:

– Какая жизнь... Как мы, бабоньки, жили. А матушка твоя... Мы и не знали.

– Дак она тогда не в нашем районе жила, – стала опять перечить Валентина.

– Надо бы нам, сестры, подумать. Каяться не умеем, так что-то хорошее надо делать, – продолжала староста. – Вон у Марины Берестовой дети оборванцы. Неужто не найдем, чем им срам прикрыть.

– Дак Маринка пьяница, – фыркнула Валентина.

– А дети-то при чем? Я вот пойду, соберу одежду для них.

– Да мало ли народа бедствует. Давайте и к Ольге Дувахиной заходить. Ведь болеет давно.

– Дак она ж ведьма. И не скрывает. К ней пойдешь – она такого тебе нацепляет, – опять возмутилась Валентина.

– Нет, бабоньки, чтоб церковь наша действительно была не клубом, а Домом Божиим, давайте делать добрые дела, – сказала Антонина.

– А у нас денег – дай Бог до пенсии дотянуть, – опять огрызнулась Валентина.

– Да чего ты-то нудишь. Много ли нам, старухам, надо. Овощ свой. Одну-другую консерву купила – и хватит, – отмахнулась Степановна.

– А мясца купить? – не успокаивалась Валентина.

– По нашим годам уже давно пора от мяса отказаться.

– А хотца порой.

– Хотца – перехотца. Вот и сотвори малый подвиг. Перетерпи. А денюжку на бедных. Да и не полезно мясо-то.

– Да что вы про мясо-то, – перебила их Антонина. – У нас батюшка копейки получает. А у него пятеро. В Москву ездит на требы. А шутка ли мотаться. Без семьи и дорога денег стоит. Давайте ему больше помогать.

– Дак помогаем. Я вон всегда на канун то картошки, то моркошки.

– Моркошки. Надо чего-то посущественней. Давайте думать. Вон у Романовны сын в Питере большой начальник по строительству. Надо уговорить ее настроить сына, чтоб он десятину на наш храм да на батюшку высылал.

– Дак десятина-то, поди, миллионом запахнет.

– Да хоть триллионом. Он, стервец, первым хулиганом был. А родина ему бесплатно образование дала. Выучился на народные деньги. Пусть совесть имеет, – выпалила Валентина.

Тут уж отец Олег не выдержал и вышел из алтаря. Все ахнули.

– Батюшка, вы ведь ушодцы. Когда ж вы вернулись?

– Ушодцы, да пришодцы, – улыбнулся отец Олег. – Вы так склонились над Агриппиной Степановной и увлеклись, что не заметили меня. А я вдоль стеночки да в алтарь.

– Так вы все слышали?

– Каюсь, слышал.

– Стыд-то какой. Мы ведь про блуд наш сказывали.

– Про это мимо ушей пролетело. А вот про мать да чемодан с кирпичами слушал затаив дыхание. Очень меня эта история тронула. А насчет ведьмы – не спешите судить. Может, это наговоры.

– Да какие, батюшка, наговоры. К ней вся губерния ездит. Заговоры-приговоры. Колдует она. И помереть не может. Ей уж давно за 80.

– Какие 80. Ей уж 90.

– И все-таки... Где она живет? Надо зайти. Может, покается.

Степановна принялась объяснять, как найти избу Дувахиной. А Валентина с Антониной стали шептаться: «Вот срам-то. Слыхал все!»

– Да не слыхал. Сам же сказал. Да и неинтересно про блуд устаревших бабок слушать.

Повздыхали. Отец Олег повернулся к Антонине: «Как звали вашу матушку?»

– Феклой.

– Редкое нынче имя. Будем молиться о Фекле. И вашем братце Яшеньке.

Антонина ухватила батюшкину руку и крепко поцеловала ее.

– Спаси вас Господи, батюшка.

Отец Олег помолчал немного.

– Да, рассказали вы историю. У Стендаля и Золя такое не найдешь.

Он попрощался. Благословил своих прихожанок. Сегодня он делал это с большим чувством: медленно, задерживая на несколько секунд пальцы у лбов, покорно склонившихся перед ним. И как никогда прежде почувствовал сильное сострадание и любовь к этим бедным женщинам. Какая великая милость дарована ему Господом. Утешать эти переполненные горем души, наполнять их надеждой на прощение.

Он остановился на площадке перед храмом, недавно застеленной бетонными плитами – остатками стен разоренной птицефермы. Справа под древними соснами виднелись могилы с пирамидками, наверху которых торчали серые, некогда красные звезды. Были и могилы с крестами: деревянными и металлическими, сваренными из водопроводных труб. Перед центральной аллеей еще недавно возвышался памятник герою Отечественной войны, уроженцу села Сосногорского. Теперь он словно уменьшился в размерах и был загорожен махиной из черного мрамора – плитой с изображенным во всю ее высоту конем. Конь словно выбежал из черных дымчатых далей и замер под портретом известного на всю округу цыганского барона.

Отец Олег перекрестился на храм и пошел по тропинке к своим стареньким «жигулям».

А в храме три подруги говорили о том, что с батюшкой им все же повезло. Какой он умный и сердечный. И теперь они будут ему усердно помогать.

Валентина сделала земной поклон перед распятием, выпрямилась и вдруг грузно упала, рыдая в голос. Утешали ее долго. А потом и сами разревелись. Валентина успокоилась первой.

Она сняла платок, утерла им слезы.

– Ну, Тонька, собака не кусаная. Довела!

Потом громко шмыгнула носом и удивленно произнесла:

– А чего это он в конце сказал про золу? Где он ее увидел? Все в храме чисто. Да и печку уж два месяца не топили.

Продолжение следует

Отечник

* * *

Сказал авва Исаия: «Горе мне! Горе мне! Я не позаботился стяжать чистоту и святыню, при которых получается милость Божия.

Горе мне несчастному! Я не подвизался победить врагов моих, за что даруется царство со Христом. Раб неверный не осмелится приблизиться ко Владыке своему.

Горе мне! Горе мне! Ношу на себе наименование по имени Твоему, Господь мой, а служу врагам Твоим.

Увы! Увы! Услаждаюсь тем, чем гнушается Царь мой, и потому Он не исцеляет меня».

* * *

Однажды посетили авву Исаию в то время, как он был болен. Нашли его очень страждущим от болезни. Он заметил печаль, произведенную его тяжким недугом, и сказал: «Удручаемый такою болезнию, я едва привел себя к воспоминанию горького часа смерти. Это воспоминание было бы чуждым для меня, если бы тело мое было здравым. Собственно плотское здоровье не приносит пользы: ища поддержать себя единственно для себя, оно вступает в настроение, враждебное Богу. Древо, поливаемое ежедневно, не высохнет, но принесет свойственный себе плод. Скорбь по плоти служит пособием к сохранению заповедей Божиих».

* * *

Спросили авву Исаию: «Кто есть раб Божий?» Он отвечал: «Не признается рабом Божиим тот, кто работает страстям: он раб того, кто обладает им».

* * *

Авва Исаия говорил: «Люби более молчать, нежели говорить: от молчания ум сосредоточивается в себе; от многословия он впадает в рассеянность».

Православный календарь

19 мар., вс. – Неделя 3-я Великого поста, Крестопоклонная. Мчч. 42-х во Амморе́е. Прп. Иова, в схиме Иисуса, Анзерского. Прп. Аркадия Кипрского.

20 мар., пн. – *Понедельник 4-й седмицы, Крестопоклонной.* Сщмчч. Васи́лия, Ефре́ма, Капи́тона, Евге́ния, Ефе́рия и других, в Херсо́не епи́скопствовавших. Иконы Божией Матери, именуемой «Спору́чница грешных».

21 мар., вт. – *Вторник 4-й седмицы, Крестопоклонной.* Святых сорока́ мучеников, в Севастийском е́зере мучившихся (с 22 марта). Прп. Феофила́кта исп., еп. Никомиди́йского. Ап. Ерма. Сщмч. Феодорита, пресвитера Антиохийского.

22 мар., ср. – *Среда 4-й седмицы, Крестопоклонной.* Мч. Урпасиана.

23 мар., чт. – *Четверг 4-й седмицы, Крестопоклонной.* Мч. Кодра́та и дружины его. Прав. Павла Таганрогского. Мчч. Кодрата Никомидийского и прочих.

24 мар., пт. – *Пятница 4-й седмицы, Крестопоклонной.* Свт. Софро́ния, патриарха Иерусали́мского. Свт. Евфи́мия, архиеп. Новгородского, чудотворца.

25 мар., сб. – *Суббота 4-й седмицы, Крестопоклонной.* ***Поминовение усопших.*** Прп. Феофа́на исп., Сигриа́нского. **Свт. Григо́рия Двоесло́ва, папы Римского. Прп. Симео́на Нового Богослова.** Прп. Феокти́ста Сербского.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: http://pokrovka-tiras.narod.ru/

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!